симальной громкости обруши-

ваемых на зал «Ажонии, ты по-

миншь меня? Джонии, почему

ты не помниць меня (з - с не-

пристойными ингонациями ма-

терой проститутки вопрошает

она. (Спусти годы после Мерлен

ту же фразу повторил сладко-

голосый Джимми Соммервил.

Но равнодушный Джонни не

ответил и ему.) О том же при-

баизительно и песия «Бэби»,

понятная без перевола: страсть

пол пятой страха. Публика янно

полавлена, затравленно впиты-

вая незнакомую, чужую, впаж-

дебную эстетику, развивая пожасные ею ассопиация: му-

зыка фрицев, сализм, холодная

жестокая эротика, изощренная

и извращенная чувственность,

соблазнение и очарование элом

трагическая предрешенность

поэтика убийства, распада и

разложения, смерть, смерть,

смерть... - все то, что наполня-

ет фабулу пьесы, живописую-

шей гибель некоего безналежно

деградировавшего семейства.

Марлен Дитикх - это не

слащавая Далида, не приторный

Меркьюри и даже не дысопкий

который так оглушал публику в ранних спектаклях Виктюка.

Марлен Дитрих — это заповед-

ная территория и запретная

зона, это подтяжки на голое

тело и впившиеся в далонь ос

колки стекла в «Ночном портье»

Кавани, это инцест, пелофили

и гомосексуванам в «Гибели бо-

гов» Висконти, это копрофагия

в «Сало, или 120 днях Содома»

Пазолини, это Фассбиндер,

это... И это - пветы «Алского

феерически сыгравшая Мар-

ден, вернее, коварную немку-

гувернантку Вальтрауте, явила

зрителю бесполое олицетворе-

ние порока. Ее «немецкость»,

резко диссонирующая с «нене-

семейства, в которое она про-

никла с развратно-подрывной

целью, на протяжении всего

спектакая подтверждается до-

вольно впечатаяющим и абсо-

лютно виртуозным «выдамыва-

нием» своего (чужого) тела и

чужого (своего) языка. И лишь

однажды она, «германская чув-

ственная женщина» с плотояд-

ными инстинктами жестокого и

ненасытного хишника, обра-

щаясь к залу, шипит (без ак-

MELIKOCTHION

[итальянского]

Марина Неелова, гротескио и

Ярослав Могутин

После премьеры

ЧОБРАВ небывалый урожай критических откли-▶ков (как восторженных так и нелицеприятных) на «Рогатку», «режиссер номер раз» Роман Виктюк, давно проставланиясь следановекими темпами режиссуры, выдал на гора вторую в этом сезоне премьеру — спектакаь «Адский саля по пьесе итальяниа Ренато Майнарди./

Как-то он сказал мне: «Если будещь когда-нибудь писать обо мне мемуары, назови их так -«На моих глазах он сходил с ума!» И вот - очередное доказательство, очередной влод этого сумасшествия. (Было забавно наблюдать, как, просматривая на вилео или вживую наиболее значительные современные запалные постановки. Мазетро удовлетворенно потирает ручки: у него все это уже было, он использовал все эти приемы. трюки и уловки еще несколько лет назад.) Бедные-бедные бедные-бедные SDMTRAM. критики! Если многие из них так и не поняди святой простоты (той самой, что хуже всровства) и сермяжной правды «Рогатки» с философией, психологией и драматургией на три колейки, то что же будет

сейчас?1 Сказать что «Алский сал» хороший спектакаь по плохой пьесе или наоборот — значит не сказать ничего. Мне показалось. что этот спектаказ вообще не пассчитан на публику (в отли-THE OT HANDONER ITTUMENT IN VICпенных постановок Виктюка которого иногла вполне оправ-ARTHO VANGRAM B STAKOM DOLLY лизме), в конце концов это и называется эпелиностью Вик-ТЮК ВПЕТИМЕ ЗА ПОСЛЕДКИЕ ГОДЫ позволил себе поиграть в Театр ради Театра, обрушив на публику каскад режиссерских новапий

Изысканная музыка — один из важнейших компонентов феномена, получившего название Viktyuk's style: В этом есть некая популяризаторская миссия: **АССТАТОЧНО ВСПОМНИТЬ, ЧТО ПО**сле «Служанок» с их вычурной декадентской эстегикой кабареточных но јеров на мотивы Далиды по радио в каком-нибудь «Рабочем полане» можно было услышать: «А теперь по заявкам прозвучит музыка из спектакая Романа Виктюка

Сложная и эклектичная режиссерская символика «Алского сада» во многом зиждется на песнях Пино Даниэле и, конеч-

ВИКТЮК УБИВАЕТ НАПОВАЛ

и делает это совершенно сознательно

но же, Марлен Дитрих, на мак- | венно, об этой страшной тайне | не могут догальнаться ее жертвы — последние представители благородного и знатного некогда рода. Признаться, сюжет сильно смахивает на «Теорему» Пазо-

лини, но горазко менее виятен. Там распад и разложение буржуазной семьи гениально показаны с позиций присущего Пазолини классового сознания. Поскольку Виктюк сам буржуазен /паныне бы сказали --мелкобуржувзен, что было бы точнее по отношению к нему) до предела, то основной паспос «Адского сада» — неприкрытая мезогиния, адептом которой Мазстро стал, провозгласив тезис необходимости отторжения разрушительного женского, дьявольского начала. У коммуниста Пазолини гибиущее семейство посредством возвышенного и красивого секса пытается спасти некий богопоvolinnin юноша,

Виклюка-Майнарди семейство это с помощью животного и грязного разврата окончательно добивает порождение «Адского сада» — чудовище с ужасным названием Вальтрауте.

Роль Нееловой (кстати, дебютная у Виктока), как и весь CHERTARAL -- 200 SROBKAS HOMEчина нашему театру, и театру «Современник» в частности. Ведь эта актриса, одна из самых ярких и талантливых на русской сцене, занята в скучнейших и пошлейших постановках типа «Крутого маршрута». И нечего удиваяться, что реплика «Сейчас мы будем тебя пытать» у современной публики способна вызвать только приступы гомерического хохота. Весь этот вымученный и натужный псевдореализм, конечно, доступнее для понимания «широких масс», но зритель посерьезнее неслучайно отдает предпочтение «выкрутасам» Виктюка, несмотря на всю их «сложность» и «непонятность». И премьера «Адского сада», сопровождавшаяся беспрецедентным ныне ажистажем, доказала это в очередной раз...

Лия Ахеажакова, ставшая после октябрьских событий звездой молодой советской демократии, блестяще воплотила на сцене сексуальную маньячку Челесту, у которой «мужчины единственная страсть». Этот цента): «Я не немка!» Естест- грагикомический персонаж образов, куда можно отнести и ту Аню, которая появилась на

венчает перечень созданных і тот в одном из интервью ее ос-Ахеджаковой антизстетических і корбил, а потом чуть было не і ного Человека» (почти по Есе-CODESS CHOKTSKAS CROMMU MOOT ложными предвыборными деэкране в ночь с 3-го на 4-е. Уз- і мгастролями. Ахеджакова, ка

Бесполое олицетворение порока — Вальтрауте (М. Неелова).

либо в радиотеатр. Но - чу

Эта характерная, как приня

говорить (с ударением на втором слоге), актриса по-

вторила бессмертный подвиг

Алексанара Калягина, одинако-

во талантлино сыглавшего лве

таких пазноплановых роли, как

тетушка Донна Роза и дедушка

Лении. Отказавшись сначала

Фато Ю. Феклистова

наваемость ее жестов и интонажется, компенсировала все это ций, сохранившихся еще с своей - как бы это поточнее «Квартиры Коломбины» (глад-"выразиться? — зажигательной. рый подарок Виктюка, сы и игрой, «Мама, ты же ший из нее серьезную актр ь, что мужчины - это моя предвещала незавидные пермиственная страсты»

спективы: либо в политику. Ж Мама Челесты Церлина (Ма-Зема Xазова) это знает и, поче, разделяет дочкины пристрастия, развлекаясь со своим хитрым и похотанвым внучком Уго (Александр Берда), но проклинает дочь, обвиняя ее в разврате. Вальтрауте же, под коапаком которой все находятся, VCDEUHO BEITOAHGET CROP AMверсионное залание, развращая играть у Виктюка из-за того, что Уго «игрой в Козел», научив его.

нину)], заколов до смерти стра-CTRVIO Акелжакову-Челесту VII) . ВИНЭЖОЛОМО ВЛА ИМБЛОЗУ таница со всеми этими малопонятными именами ао прелела осложняет восприятие спектакля. Уго, Церлина, Челеста, Вальтрауте, Роз. Изиде - это конечно, совсем не то, что Антон, Илья и Лариска. Удрученный зритель вынужден напряженно отслеживать бесконечные перипетии семейно-

поаственных уз.) Все эти ужасы происходят в интерьере-ландшафте адского сала — пальмы, раскинувшие свои кроны над сценой (такие же, только живые и райские куши украшают жилище сал Виктюка в бывшей квартире Василия Сталина на Тверской. в двук шагах от Красной площади), опускаются и сиова поднимаются властно вторгаясь и в без того не простые, напряженные отношения между обреченными на взаимоу-Марлен Дитрих, и опять те же болезиенные ассоциации, та же безысходность и беспробуд-HOCTE

Уго, единственного мужчину в пространстве жизии ограниченном пространством сцены, пытаются использовать все, Самки ведут изнурительную и коованую борьбу за самиа, желая обладать им безраздельно. Уго же в свою очередь кочет обладать всеми. Конфликт налицо, конфликт неразрешимый Суету вокруг Фаллоса, единственного и неповторимого, не может скрыть даже невнятица монологов и диалогов, незначительность реплик и необязательность жестов.

По первоначальному замыслу Виктока, когда в центре сцены на первом плане появляется похожая на гробовую доску черная панель с прорезями для голов и рук, и герои, просунувшись в эти прорези, корчатся под звуки хорала, репетируя и имитируя адские муки и страдания (а может быть, мучаясь и страдая «всерьез»), в руках у них должны были «эвучать» музыхальные инструменты в форме огромных фаллосов. Не знаю, почему их не было: многое в спектакае это бы саелало более выразительным и понятным. Возможно, кому-то столь: недвусмысленное выражение Тогки по Фаллоги показалось бы чересчур вызывающим и кламольным

Конечно, на общем сером асексуальном фоне советского театра, по контрасту с той же общей и серой бесполостью театра постсоветского, Викток может показаться сексуальным маньяком «Адский сад» - это коллек-

ция сексуальных фобий, страхов и ужасов, выставка пороков и извращений, демоистрация и препарация похоти и разврата. Животные инстинкты вытесняют из персонажей все человеческое, анчины скрывают лица. Это игра, всего лишь игра. А игра неизбежно заканчивается смертью. Полобную эскатологическую направленность спектакль приобретает уже в первые минуты. Эскалация некрофильских мотивов (кажется, кто-то уже пытался поставить Виктюку точный диагноз -«жизнефобия») сопровождает все действие от начала и до конца, завершаясь групповой оргией взаимоубийства всех всеми (это как у Корнея Чуковского: «Волки от испуга скущали друг друга»). Логика Майнарли — Виктюка

предельно проста: раз нет среди персоняжей ни одного положительного, достойного героя. ни одного такого, кто мог бы спастись сам и спасти других, раз пикло из них не способен вызвать никаких чувств, кроме отвращения. - так пусть и погибнут они в дебрях «адского сама». Пусть и останутся там навсегда горой оскалившихся и полуобнявшихся трупов. Виктюк убивает с садистской жестокостью и сладострастием, он не собирается никого шалить и жалеть, показывая, как Зло пожирает самое себя. Великолепна финальная сцена дуэли Вальтрауте и служанки Изиды (Мария Селянская), в тайне ото всех нарожавшей от Уго аж 9 штук детей, чьи трупики охапкой также свалены в общую кучу. Великоледна сцена гибели Уго. символизирующая уничтожение священного Фаллоса. Великолепны оглушительные выстрелы (одиночные и очередями), которыми персонажи убивают друг друга, а Виктюк убивает (из чистого гуманизма. впрочем, - как пристреливают загнанную лошадь, чтобы не ти на нашей сцене.

мучилась) советский театр, театр Советской Эпохи. Каким был этот театр — хорошим или DACTEM TRANSPARENT HAN SON дарным? Какая разница! Он был частью той культуры, вернее — той ваераогии, и он рассынался, как прогнивший гроб. олан ялл олоничного иннапим общекультурного и общеклеологического контекста. И смпал. и гииль, и тлен, и миазмы окутали гигантский котлован-могильник сопреализма...

Виктюк не хочет выплать этим BOJAVXOM («OTKDLITE OKHO - STO жилы отворить» - так, кажется, да?), он не хочет жить этой жизнью, он не хочет бегать в кожанке и с маузером на баррикамы, он привил к «советскому дичку» (вспоминая его дюбимого Ходасевича) все, что котел привить, он никогда не был своим среди игроков в бисер..

Викток исполнил поистине историческую роль, став тем осиновым колом, который был вбит в хребет советского театоа. и телець он может говорить: я был диверсантом, шпионом (китайским?) в цитадели коммунизма, я был детонатором этого варыва, я ничего не следва для этой системы, и она для меня ничего не следала, я никогла не шел с ними на компромисс, я ни DARV HE TROSPACE IN HE EVIDENCE. я... Слава Богу, он никогда но бых хиссилентом, не лержал фигу в капмане, не имел ничего общего с московской театрально-местечковой тусовкой. Он не ваяпался ии там, ни там. То. кто не знал спектаклей, сделанных им тогла, возможно, назо-BUT ATO TOUCOM TO ME ICTO BRACA хотя бы «Уроки музыки», поминт, откуда тянется подожженный им бикфордов шкур.

Шнур длиной в четверть века... Он многих раздражает, потому что сейчас - его время. Его пытаются приручить и сде-VALL OURSINGVESTING IN OURSELDS. ным режиссером. Едва ли не на кажали его спектакае в напторе отводятся места для членов правительства, а нынешний председатель Конституционного суда Николай Витрук (Витрук н Виктюк — близнецы-братыя, но вот кто более матери-истории ценен?) после премьеры «Рогатки» полчаса рассуждал о толерантности... Значит ли это. что кынешний режим в лице своих самых зам гных представителей имеет соответствуюшие сексуальные или эстетические накаонности? Есан это действительно так, то непристойные и запелиные пветы «Ал-СКОГО СААВ», «ШВЕТЫ ЗАВ», СОЗЕВ-HARREM KOTODALY TAK VIIMBARTOR Мазстро, еще долго будут цвес-